

В душе Жун Цзиня бушевал настоящий шторм, однако лицо его оставалось абсолютно бесстрастным. Включив актёрское мастерство уровня киноимператора, он безупречно держал марку умудрённого опытом старшего коллеги.

Жун Цзинь посмотрел на Чи Фэйжання и предельно серьезно произнес:

— Относись к своим чувствам бережнее. Не стоит влюбляться без оглядки только из-за красивой картинки на поверхности. В реальности люди далеко не всегда так хороши, какими кажутся на первый взгляд. Понимаешь?

Чи Фэйжань не совсем понимал, с чего вдруг собеседник заговорил о столь личных вещах с таким торжественным видом. Тем не менее в каждом слове Жун Цзиня чувствовалась искренняя забота, поэтому юноша послушно кивнул в знак согласия.

— Я понял, брат Жун, — так же серьезно ответил он.

Глядя на его сосредоточенное лицо, Жун Цзинь засомневался, действительно ли парень уловил скрытый подтекст.

Немного поколебавшись, актер добавил:

— Как бы то ни было, мне хочется, чтобы ты занялся личной жизнью позже, когда повзрослеешь и наберешься опыта. Хорошо?

—... Да, хорошо.

"Странно. Почему мне кажется, будто здесь что-то не так?"

Сидевший напротив Жун Цзинь, напротив, остался доволен собой. Учитывая сообразительность юноши, этих намеков — как явных, так и скрытых — должно было хватить с лихвой.

"Нельзя же сказать прямо: «Я не стою твоей любви, ты еще слишком юн и ничего не смыслишь в чувствах». Вдруг он заартачится из чистого упрямства?"

Жун Цзинь отчетливо помнил рекомендации из психологических статей: подростки в период бунтарства склонны делать всё наперекор запретам. Силой тут ничего не добьешься, действовать нужно мягко, направляя их ненавязчиво.

"Кажется, пока у меня неплохо получается".

Чи Фэйжань всё ещё ощущал какую-то странность в поведении Жун Цзиня, но списал это на собственную мнительность. В конце концов, после просмотра... кхм, тех самых роликов, видеть их главного героя вживую было само по себе неловко. Разумеется, отсюда и возникало это подсознательное чувство неправильности происходящего.

К счастью, к столу начали один за другим подавать заказанные блюда. За едой и неспешной беседой напряжение постепенно рассеялось, и атмосфера вновь стала непринужденной.

Внимательно наблюдая за мимикой юноши, Жун Цзинь убедился, что тот ведет себя как обычно. Мысленно выдохнув, киноимператор счел свою воспитательную миссию полностью выполненной.

Однако стоило ему расслабиться, как Чи Фэйжань внезапно спросил:

— Брат Жун, а почему ты до сих пор один? Просто не встретил подходящего человека?

Жун Цзинь застыл.

У него внутри всё похолодело. Жун Цзинь лихорадочно соображал, что ответить. А ну как следом посыплются вопросы о том, какие типажи ему нравятся?

Решив раз и навсегда пресечь подобные расспросы, он твердо произнес:

— На самом деле я сторонник одиночества. Мне гораздо комфортнее быть самому по себе.

Доля лукавства в этом была, но Жун Цзинь действительно никогда не горел желанием обзавестись второй половинкой. Сложится — хорошо, а нет — так и жалеть не о чем.

Чи Фэйжань не увидел в такой позиции ничего плохого. В конце концов, это личный выбор каждого. В семейной жизни есть свои прелести, но одиночество, как верно заметил Жун Цзинь, дарит абсолютную свободу.

Опасаясь, что разговор вновь свернет на опасную тему отношений, Жун Цзинь поспешил сменить русло:

— Кстати, о нашем прошлом разговоре. Ты уже принял решение? Хочешь, я порекомендую тебе хороших преподавателей?

Внимание юноши мгновенно переключилось:

— Мы обсудили это с братом Юанем. Когда в следующем году начнется приемная кампания, он

поможет мне подать документы. Я хочу поступить на актерский факультет Киноакадемии города А.

Выбор показался Жун Цзиню вполне достойным. С внешними и внутренними данными Чи Фэйжаня провалить экзамены было попросту невозможно, поэтому он искренне подбодрил его:

— Что ж, тогда удачи. Постарайся как следует.

— Раз ты так говоришь, брат Жун, я расшибусь в лепешку, но поступлю, — с улыбкой пообещал Чи Фэйжань.

Жун Цзинь тут же спохватился: не сболтнул ли он лишнего? Подростковая влюбленность — штука хрупкая и переменчивая, стоит проявить каплю теплоты, как они тут же расцветают...

"Но ведь это была обычная вежливость? Хотя... когда тебя подбадривает тот, в кого ты тайно влюблен, любые слова приобретают совсем иной смысл".

Сам он никогда не любил. И хотя теоретическая база по "воспитанию трудных подростков", почерпнутая из книг, казалась безупречной, на практике всё летело кувырком.

Ему нестерпимо хотелось вытащить телефон прямо сейчас и перепроверить, какую главу руководства он упустил. Разумеется, делать этого за столом было нельзя. Заметь Чи Фэйжань его сомнения — и хрупкому детскому самолюбию будет нанесен непоправимый удар!

Чи Фэйжань даже не подозревал, какие бури бушуют в голове старшего товарища. Попробовав десерт, который пришелся ему по вкусу, он пододвинул тарелку ближе:

— Брат Жун, попробуй вот это. Действительно очень вкусно.

Жун Цзинь счел своим долгом мягко дистанцироваться:

— Спасибо, но я... не особо жалую сладкое.

"Жаль. Оказывается, брат Жун равнодушен к сладостям. А мне они так нравятся".

— А я вот жуткий сладкоежка, — с легким сожалением произнес он.

В этот момент пальцы его дрогнули, и недоеденное лакомство выскользнуло, с тихим шлепком упав обратно на тарелку.

Чи Фэйжань поморщился и принялся аккуратно разминать кисть. Он весь день безостановочно

подписывал книги на автограф-сессии, так что к вечеру правая рука буквально отваливалась. По дороге сюда Чэнь Мэнъян пытался облегчить его страдания легким массажем, но мышцы всё равно оставались забитыми и почти не слушались.

Однако Жун Цзинь истолковал эту мимолетную заминку совершенно иначе:

"Надо же... Я всего лишь сказал, что не люблю сладкое, а он расстроился настолько, что даже выронил пирожное..."

Киноимператор Жун мысленно признал свое полное фиаско на педагогическом поприще. Направлять юношеские порывы в нужное русло оказалось непосильной задачей.

К счастью, совместный ужин подходил к концу. Чи Фэйжаню завтра предстояло рано вставать, так что задерживаться допоздна они не планировали.

Когда они спустились на подземную парковку, Жун Цзинь уловил краем глаза чье-то присутствие. Резко повернувшись, он наткнулся взглядом на молодого человека с профессиональной камерой, оснащенной длиннофокусным объективом.

Папарацци даже не подумал скрыться, когда его засекли. Напротив, он торопливо сделал еще несколько снимков, явно довольный удачным ракурсом.

Остальные тоже заметили незваного гостя. Ли Юань недолюбливал назойливую прессу, но, рассудив, что никаких женщин, кроме сестры Чжоу, в компании не было, решил не поднимать шума. Однако, беспокоясь о реакции Жун Цзиня, он бросил вопросительный взгляд на Чан Хаоцина.

Великий агент Чан несколько не возражал против того, чтобы молодой наследник немного погрелся в лучах славы его подопечного. Сделав вид, что ничего не произошло, он лишь вежливо улыбнулся и тепло попрощался с Ли Юанем.

Жун Цзинь отвел взгляд, негромко попрощался с Чи Фэйжанем и сел в салон автомобиля.

Обычная дружеская встреча в ресторане — новость мелкая, если бы не имена участников. Тандем Жун Цзиня и Чи Фэйжана гарантировал бурную реакцию в прессе.

Хотя оба постарались замаскироваться как можно тщательнее, репортер вел Чи Фэйжана от самой автограф-сессии. Сопоставить одежду и фигуру на новых кадрах с предыдущими не составляло никакого труда.

Личность второго спутника тоже угадывалась без труда. Жун Цзиня с его статью и царственной осанкой невозможно было скрыть никакой одеждой, разве что нарядить в ростовую куклу. К тому же рядом вышагивал его бессменный агент Чан Хаоцин, служивший

для папарацци лучшим опознавательным знаком.

Надо признать, репортеру несказанно повезло. Поймать Жун Цзиня в объектив считалось среди журналистов несбыточной мечтой. Многие неделями дежурили у его дома и уходили ни с чем по одной простой причине: киноимператор терпеть не мог выходить на улицу без крайней надобности!

Его маршруты всегда были строго расписаны: от квартиры до съемочной площадки или на официальное мероприятие. Даже на редких банкетах в честь окончания съемок он держался исключительно в мужской компании, не давая желтой прессе ни единого повода для сплетен. Это откровенно бесило.

Но какими бы скрытными ни были звезды, редкие кадры всегда окупали любые усилия.

По дороге домой Чи Фэйжань из любопытства вбил их имена в поиск и тут же наткнулся на свежую новость о совместном ужине, опубликованную в микроблоге одного из развлекательных изданий.

Заголовок оказался на удивление безобидным — статья преподносила встречу как обычные посиделки близких друзей. Облегченно вздохнув, юноша пролистал страницу до комментариев и тут же почувствовал, как у него рябит в глазах.

Самым популярным отзывом, набравшим тысячи лайков, был лаконичный:

«К черту дружбу! Это же чистая любовь!»

В ветке обсуждения творилось настоящее безумие:

«Боже, нас кормят стеклом и сахаром! Сам Жунжун, который носа из дома не показывает, пошел ужинать с малышом! Какая нежность!»

Чи Фэйжань поспешно закрыл приложение. Раз уж чужие фантазии контролировать невозможно, стоило для начала взять себя в руки и больше никогда — слышишь, никогда! — не вводить в поисковую строку их имена.

Популярность требовала жертв. График молодого артиста был расписан по минутам. Для новичка вроде Чи Фэйжана, у которого за спиной числилось не так много крупных проектов, постоянное мелькание на публике оставалось единственным способом выжить в индустрии и не оказаться вытесненным толпой амбициозных конкурентов.

Физически юноша справлялся с бешеным ритмом, но моральное истощение давало о себе знать. Лицемерный и сложный мир шоу-бизнеса утомлял. Как только первое очарование новизны улетучилось, Чи Фэйжань остро почувствовал тоску по дому.

Признавать это было немного неловко и по-детски, но в глубине души он оставался домашним ребенком.

Ему безумно не хватало той абсолютной, беззаботной безопасности, которую можно ощутить только рядом с близкими. Никто другой не мог подарить ему это умиротворение.

Привыкнув к бесконечной любви и защите родителей, он невольно стал зависимым от них, предпочитая уютный панцирь родного очага любым внешним бурям.

Однако перерождение заставило его сделать шаг в неизведанное. Мир вокруг неумолимо менялся, а вместе с ним менялся и он сам. Пора взрослеть. Нельзя вечно прятаться за чужими спинами, какими бы надежными они ни были.

И всё же...

На экране смартфона появилось лицо Криса, бережно державшего на руках роскошного пушистого кота.

— Ну же, Цезарь, поздоровайся с Итаном.

Увидев своего маленького хозяина, великолепный рэгдолл требовательно замыкал. Он ткнулся пушистой мордочкой в стекло дисплея и оглушительно замурчал, пытаясь тереться о пиксели так, словно хотел пролезть сквозь плоскую поверхность.

Чи Фэйжань жалобно простонал:

— Крис... Это нечестная игра!

"Зачем он показывает мне Цезаря? Теперь я хочу домой еще сильнее!"

— Он очень по тебе тоскует, — мягко заметил Крис.

В груди у Чи Фэйжана защемило.

— Я тоже... Безумно скучаю по нему, по маме, по Эймону... и по тебе.

— Всё еще не хочешь возвращаться? — спросил брат.

Чи Фэйжань прикусил губу, не зная, что на это ответить.

Прочитав ответ по его лицу, Крис понимающе кивнул:

— Ладно. Возможно, оно и к лучшему. Сначала я разберусь со всеми делами здесь, а потом ты спокойно приедешь.

Чи Фэйжань прекрасно понял, о чем речь. Раз уж он решился доверить Крису свою тайну, брат сделает всё, чтобы докопаться до истины.

Для него это было серьезным риском. Доверившись семье, он поставил на карту очень многое, но, судя по всему, ставка сыграла верно.

Он открыл было рот, чтобы ответить, но на устройстве Криса раздался требовательный сигнал входящего вызова.

Заметив это, Чи Фэйжань засобирался:

— Крис, у тебя вызов. Наверное, что-то срочное, давай позже созвонимся.

Однако Крис хладнокровно смахнул уведомление, сбрасывая чужой звонок.

— Пустяки. Поговори еще немного с Цезарем, он не хочет тебя отпускать.

И лишь после того, как Чи Фэйжань попрощался и завершил сеанс связи, Крис наконец перезвонил настойчивому абоненту.

На экране появилось лицо высокомерного молодого человека.

— Ты сбросил мой звонок? — раздраженно осведомился он.

Крис, продолжая мерно поглаживать лежащего на коленях кота, ответил абсолютно ровным голосом:

— Я разговаривал с Итаном.

Собеседник недовольно нахмурился и издал презрительный смешок.

Рука Криса, ласкавшая мягкую шерсть, на мгновение замерла. Внимательно всмотревшись в лицо собеседника сквозь объектив камеры, он ледяным тоном спросил:

— У тебя какое-то дело ко мне?

<http://bllate.org/book/18265/1760605>